

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСШЕЙ ПРАВДЕ: Н.С. ЛЕСКОВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

В нынешний год 190-летия Николая Семёновича Лескова (1831–1895) и 200-летия Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881) образованное человечество с признательностью вспоминает славные имена великих классиков русской литературы. Интерес к их творчеству с годами не угасает, но возрастает. Чем больше читаешь и изучаешь этих русских писателей, тем более убеждаешься, что их художественные миры, уходящие корнями в Святое Евангелие, столь же неисчерпаемы, как и Новый Завет с его заповедями о жизни вечной.

“Миры внутри миров”, художественные вселенные, созданные творческим гением Лескова и Достоевского, ярко индивидуальны, неповторимо своеобразны. И в то же время они сопоставимы, при всей их безмерности – соизмеримы по творческой мощи, масштабам дарования. Так, Игорь Северянин в стихотворной строке о Лескове уравнивал его талант с талантом Достоевского: *“Достоевскому равный, он – прозёванный гений”*¹.

До недавнего времени слова о русском *“прозёванном гении”* звучали горькой истиной. Если Достоевского уже его современники воспринимали как “пророка, призванного сказать новое слово”, признавали за ним право на “роль общественного руководителя”², то Лескова при жизни и долгое время после смерти не могли оценить по достоинству. Слишком неудобным для тех, кто “справа”, и тех, кто “слева”, оказался выступавший против политических направлений (“направленской узости” и “направленской лжи”³), плывший *“против течений”* писатель, привыкший слушаться исключительно голоса совести – Божьего голоса в душе. По поводу издания одной из своих книг Лесков однажды заметил: “Я опять ни на кого не угодил и очень этому рад” (X, 456).

Не “угодил” Лесков и многим ортодоксальным оппонентам, желающим зачислить его в стан “врагов церкви” на том основании, что писатель, по образному выражению, выметал сор из храма: “Что до меня, то я давно себе это решил и покоен: я смерил мои силы и окинул глазом работу <...> “Вижу, что в храме торгуют и что торговля мешает быть в храме тому, что должно быть там”. И понял я, что прежде всего надо выгнать торгующих в храме и вымести за ними их мусор, и тогда, когда горница будет подметена и постлана, – придёт в неё Тот, кому довлеет чистота, и нет Ему общения с продающими и покупающими. И я взял метлу и всё выметаю мусор и гоню к выходу торговцев, и почитаю это за моё дело, которое я умею и могу делать, тогда как другого, большего, я не умею делать, и если бы взялся за него, то сделал бы его худо и не принёс бы даже и той пользы, которую, может быть, принёс, поталкивая торговцев и выбрасывая их помёты за церковный порог” (XI, 581).

Писатель, усвоивший с детства “счастливую религиозность” (XI, 11) в семье, где “никого <...> нельзя было заподозрить ни в малейшем недоброжелательстве Церкви” (VI, 125), заявлявший о себе: “Я не враг Церкви, а её друг, или более: я покорный и преданный её сын и уверенный православный” (X, 329), – обладал полнотой морального права, чтобы указать на церковные “нестроения” и “немощи”, тогда как до Лескова у русской церковной истории были в основном только “кадиловозжигатели”⁴. О цели своего освещения темы Церкви писатель выразился недвусмысленно: “Я не хочу её опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью” (X, 329).

Правдивые христианские исследователи справедливо полагали, что “Лесков едва ли не ближе всех подошёл к тайне русского Православия <...> Он творчески раскрыл многое в нём, создав художественную легенду Православия. Древние христиане, подвижники “Луга Духовного”, прологов и патериков, древние святые, архиереи, миссионеры, священники, нищие, странники, юродивые, православный народ – все вошли в эту легенду”⁵.

И по сей день не жалуют неугодного гения в его Отечестве. До настоящего времени не издано полное собрание сочинений Лескова. Начиная с 1996 года за последние 25 лет вышло 13 томов из задуманных 30. Простая арифметика показывает, что на оставшиеся 17 томов потребуется ещё более 30 лет, в общей сложности – не менее 55 лет! Ни одно полное собрание сочинений ни одного русского писателя не издавалось столь долговременно. Если полное издание сочинений Лескова когда-нибудь осуществится, поистине будет установлен антирекорд долготы и затянутости в книгоиздательском деле. В то же время бесперебойно печатается громадными тиражами развращающее и оглуляющее людей массовое “бульварное чтение”. Такая политика красноречиво свидетельствует о её расхождении с “высшей правдой”.

“Высшая правда” – Христос. По суждению Достоевского, “Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек”⁶. Человеческая личность в произведениях Лескова и Достоевского предстаёт не только как “натура” – в индивидуальном, социальном-психологическом, конкретно-историческом планах, – но и в плане религиозно-нравственном, вневременном, в устремлённости к “вековечному идеалу”.

С убеждением Достоевского в том, что “совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного”⁷, был солидарен Лесков: “Бог запрещает мне делать дурное, вложив в меня совесть, через которую я распознаю добро и зло. Тогда этот Бог и будет моей нравственностью”⁸. Достоевский, в свою очередь, утверждал: “Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всём заблудимся. Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут. На той почве, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственные идеи есть (от чувства, от Христа)”⁹.

Оба писателя воплотили в своих героях – с их речью, мироощущением, душевными порывами – все существенные особенности русского национального характера. Не случайно по произведениям Достоевского и Лескова иностранцы пытаются постичь загадку русской души. Томас Манн справедливо отмечал, что Лесков писал “чудеснейшим русским языком и провозвещал душу своего народа так, как это, кроме него, сделал только один – Достоевский”¹⁰.

“Истина, добро и красота” (V, 88) – в этой триединой формуле Лесков выразил идеал, к которому необходимо стремиться. По горячему убеждению Достоевского, “истина, добро, правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим”¹¹. Так оба писателя объединялись в сущностном понимании жизни.

Но их межличностные отношения носили сложный характер. Непросто складывалась и судьба взаимоотношений творческих. Хотя самое их начало было, казалось бы, безоблачным.

Примечателен следующий историко-литературный факт. Всемирно признанный ныне лесковский шедевр “**Леди Макбет Мценского уезда**” (1864) первым высоко оценил Достоевский. Издававший в те годы вместе с братом Михаилом журнал “Эпоха” Фёдор Михайлович охотно опубликовал в первом

номере журнала за 1865 год повесть молодого автора, только вступавшего на литературное поприще. Достоевского, трудившегося в те же годы над **“Преступлением и наказанием”** (1866) — первым романом “великого пятикнижия”, — лесковская **“Леди Макбет...”** наверняка привлекла неординарной проработкой вопросов преступления и наказания, новаторским исследованием личности и психологии преступника.

Прошедший по политическому делу петрашевцев через обряд смертной казни, каторгу и ссылку Достоевский, будучи автором **“Записок из Мёртвого дома”** (1862), в основу которых легли документальные впечатления от пережитого в омском остроге, признал безошибочность художественной обрисовки в **“Леди Макбет Мценского уезда”**. Лесков писал об этом автору книги **“Среди отверженных”** Д. А. Линёву: “Мир, который вы описываете (т. е. жизнь каторжников), мне неизвестен, хотя я его слегка касался в рассказе “Леди Макбет Мценского уезда”. Я писал, что называется, “из головы”, не наблюдая этой среды в натуре, но покойный Достоевский находил, что я воспроизвёл действительность довольно верно” (I, 498–499). Это письмо датируется 5 марта 1888 года, то есть более двадцати лет спустя после публикации повести в “Эпохе”. Очевидно, что первый опыт сотрудничества с Достоевским был чрезвычайно дорог Лескову, и он до конца дней своих сохранял отрадное воспоминание о благожелательном отношении к нему со стороны его старшего современника.

Впоследствии взаимодействие Лескова с редакторами журналов почти никогда не было гладким. Поэтому раннее знакомство с Достоевским-редактором столь тепло помнилось долгие десятилетия: “Такое сочувствие редактора и мне нужно и дорого, даже очень дорого. Это напоминает отношение Достоевского при печатании “Леди Макбет”¹², — писал Лесков издателю и редактору газеты “Новое время” А. С. Суворину — своему “коварному, но милому приятелю”¹³ 12 апреля 1888 года.

В то же время помнился Лескову и невыплаченный гонорар: “журнал “Эпоха”, удовлетворив почти всех своих сотрудников, остался мне должен 150 р.”¹⁴. Сумма по тем временам немалая. Особенно, если учесть, что Лесков оказался в крайне бедственном положении, не получив вознаграждения за свои труды, опубликованные в других изданиях: “Газета “Северная пчела” недодала мне 800 руб., мною заработанных; <...> “Библиотека для чтения” закрылась, оставшись мне должною 4950 рублей, и всё это раз за разом, одно за другим”¹⁵. Претерпевавший нужду Лесков не раз просил у Достоевского напрямую или через критика Н. Н. Страхова выдать гонорар за **“Леди Макбет...”**. Но выплата откладывалась, затем был выдан вексель. Лесков им не воспользовался. Будучи на грани нищеты: “Мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды <...>; мне нечем заплатить полутора ста руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе <...>, и я не могу отдать 200 руб. долг г. Краевскому, — что меня стесняет до последней степени” (X, 266), — Лесков проявил особую деликатную участливость к Достоевскому, который в те годы оказался в столь же бедственном материальном положении: “Векселя своего на г. Достоевского я не представляю, потому что литератор этот нынче, как говорят, сам в затруднительных обстоятельствах” (X, 266).

На грани отчаяния обратился Лесков в Литературный фонд с прошением предоставить ему ссуду в 500 рублей, которые обязывался возратить с процентами, завершив работу над пьесой **“Расточитель”**: “Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства — моя драма <...> средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу” (X, 266). Писательская организация отказала в этой просьбе, но в виде снисходительной милостыни предложила “оказать некоторое пособие автору <...> предварительно собрать сведения о положении г. Лескова”¹⁶. Писатель не принял фарисейского подаяния. Он немедленно ответил, как только узнал о постановлении Литературного фонда: “Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далёк от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает” (X, 267). **Так литературные псевдособратья — пигмеи в сравнении с Лесковым по масштабам творческой одарённости — в очередной раз ханжески от него отреклись.**

“Славы не ищущу, совести боюсь, в деньгах нуждаюсь” — такую надпись

сделал Лесков на своём фотографическом портрете, подаренном критику В. П. Буренину, выступавшему в последние годы жизни писателя с одиозными статьями (в 1890-е годы в газете “Новое время” он поместил ряд резких заметок и фельетонов о лесковских сочинениях). Эта фотография с лесковским автографом хранится в Доме-музее писателя в Орле.

Драму **“Расточитель”** (1867), несмотря на стеснённость в средствах к существованию, Н. С. Лесков завершил. Пьеса имела успех у зрителей. Директор императорских театров предрекал ей десять лет сценической жизни, но ошибся в расчётах: **“Расточителя”** играли, не переставая, полвека. Жаль, что сейчас пьесу редко увидишь на подмостках театров. В наше время она не теряет своей актуальности, только звучит всё более остро. Лесков изобразил вечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений. 60-летний торговец Фирс Князев – “вор, убийца, развратитель” (I, 443) – пользуется своим положением “первого человека в городе” и продажностью суда. Его антипод – добрый и деликатный Иван Молчанов – предстаёт в роли мученика, жертвы тиранического произвола властей. Молодой человек, обращаясь к “хозяевам жизни” – своим истязателям, – обличает беззаконие: “Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные – потомство, Бог, история осудят” (I, 444).

Сразу после похорон Достоевского, которого в числе многих тысяч почитателей в последний путь провожал и Лесков, он писал Суворину: “О Достоевском я имею свои понятия <...> я его уважал и имею тому доказательства. Я бывал в критических обстоятельствах (о которых и Вы частью знаете), но у меня никогда не хватило бы духу напомнить ему о некотором долге, для меня не совсем пустом (весь гонорар за “Леди Макбет”). Вексель этот так и завалился. Я знал, что требование денег его огорчит и встревожит, и не требовал” (XI, 250).

Лесков даже и после смерти Достоевского не мог не размышлять и не писать о нём. В рассказе к стати **“Интересные мужчины”** (1885) похороны Достоевского писатель назвал “событием в истории” (VIII, 95), солидаризируясь с общими откликами: “Репортёры столичных газет лучше меня описывают все подробности этих величественных, можно сказать, исторических похорон замечательного человека” (VIII, 572).

В рассказе **“Два свинопаса”** (1884), не переизданном со времени первой журнальной публикации, Лесков апеллирует к идее Достоевского о благотворности очистительного страдания: “Истинное христианское чувство выносит иной приговор: “Не дай Бог быть сторонником тех крайностей, какие видели в словах покойного Достоевского об универсальной пользе каторги”; но я думаю, что для искреннего, который умышленно сделал несчастье всей жизни другого, есть только два средства примириться со своей совестью: надо или сделаться рабом несчастного, или же *отстрадать* за свои неистовства, как того требует справедливость”¹⁷.

В очерке **“По поводу “Крейцеровой сонаты”** (первоначальное заглавие – **“Дама с похорон Достоевского”**) (1890) Лесков также продолжал вести творческий диалог с Достоевским.

Тем более – при его жизни – литературно-общественная деятельность Достоевского неизменно находилась в орбите внимания Лескова: в беседах, письмах, заметках, статьях, рассказах, очерках. “Исключительно высоко” ставил он **“Записки из Мёртвого дома”**, по воспоминаниям его сына и биографа А. Н. Лескова: “Когда мне исполнилось 12-13 лет, он принёс мне “Записки” и сказал: “Читай внимательно, лучше этой книги редко что доведётся тебе читать”¹⁸.

При совпадении с Достоевским в суждениях, литературных оценках Лесков спешил выразить ему горячую признательность. Прочитав в **“Дневнике писателя”** статью Достоевского о романе Л. Н. Толстого **“Анна Каренина”** (1877), Лесков под воздействием глубокого впечатления отозвался незамедлительно, на что указывает датировка его письма “Ночь на 7 марта 1877 г.”: “Сказанное <...> так хорошо, – чисто, благородно, умно и прозорливо, что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет. Дух Ваш прекрасен, – иначе он не разобрал бы этого так. Это анализ умной души, а не головы. Всегда Вас почитающий Н. Лесков” (X, 449).

С жаром высказанное в письме неподдельное душевное движение отразилось также в некоторых других лесковских отзывах о Достоевском. Лесков называл его “полнодумным”, “прозорливым”, “великим тайновидцем”. Прембула малоизвестного лесковского рассказа **“Счастье в двух этажах. (Киевский вариант живых людей к “бумажным” людям Невы)”** даёт представление о своеобразии личности и творчества Достоевского, о жгучем интересе к его произведениям в самых разных читательских кругах мыслящей России: “Осенние книжки “Отечественных записок” бурного 1875 года принесли любителям чтения великую радость — “Подросток” Ф. М. Достоевского. Как всякое произведение этого полнодумного и многострастного пера, и это повествование великого тайновидца страстей человеческих давало обильную почву для споров и для толков самого противоположного характера в самых разнообразных кружках. Обсуждали его и устно, и печатно, и журналы, и газеты, и студенты Университета и Духовной Академии, медики и художники с Васильевского острова, в офицерской и чиновничьей и просто обывательской среде за обеденным и чайным столом, и от дворцовых зал до маленьких хибарок”¹⁹.

Настоящее заступничество по отношению к Достоевскому проявил Лесков в статье **“Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)”** (1883)²⁰.

Вместе со своим другом и духовным союзником, знатоком истории Церкви профессором Ф. А. Терновским (1838–1884) Лесков заявил о своём согласии с Достоевским. Работа полемически заострена против книги К. Н. Леонтьева **“Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой”** (М., 1882).

Леонтьев обвинял обоих писателей в ереси утопического, “розового” христианства: “об одном умалчивать; другое игнорировать; третье отвергать совершенно; много стыдиться, а признавать святым и божественным только то, что наиболее приближается к чуждым Православию понятиям европейского утилитарного прогресса — вот черты того христианства, которому служат теперь многие русские люди и которого, к сожалению, провозвестниками явились на склоне лет наши литературные авторитеты”²¹. Леонтьев был убеждён, что каждый христианин обязан, прежде всего, “внимать о своём загробном спасении, а всё остальное приложится”²². Размышляя о страхе Божиим, выдающийся публицист, незаурядный литературный критик и религиозный мыслитель пришёл к выводу, что это “страх от избытка земного благоденствия”²³.

Лесков опровергает леонтьевские постулаты о том, что в христианском вероучении превалируют мотивы страха и покорности, идеи о “наказаниях, о страхе, о покорности властям, родителям, господам, — о проклятиях непокорным, гордым, неверующим”²⁴; что любовь — это лишь плод страха. Писатель не может принять максимализма Леонтьева. По мнению Лескова, критик “в кичливом ортодоксальном азарте” не только извращает христианскую позицию Достоевского и Толстого, но и представления о самой сути христианства, истинный смысл которого — *в совершенной любви*.

В Священном Писании последовательно проводится спасительная идея об избавлении человечества от страха смерти всеобъемлющей любовью Господа нашего Иисуса Христа. Это было возведено пастухам при Рождестве Божественного Младенца: *“Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родилась вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь”* (Лк. 2: 9–11). Святой апостол Павел говорит, что Христос освободил людей от страха, пришёл *“избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству”* (Евр. 2: 15). В Новом Завете повествуется о том, как Господь не раз ободряет, избавляет от страха перепуганных людей: *“Встаньте и не бойтесь”* (Мф. 17: 7); *“ободритесь; это Я, не бойтесь”* (Мк. 6: 50); *“Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство”* (Лк. 12: 32).

Пневматология (духоведение) любви и страха как религиозно-нравственных, философских, этико-психологических начал составляет ядро художественного мира Лескова. *“Совершенная любовь изгоняет страх”* (1 Ин. 4: 18) — эти слова евангелиста Иоанна часто повторял писатель и даже сделал эпиграфом к одному из “рассказов о трёх праведниках” — **“Несмертельный Голован”** (1880).

Лесков выражал своё согласие с Достоевским, призывавшим в речи о Пушкине к всеобщей любви и солидарности: “Чувство общечеловеческой любви, внушаемой речью Достоевского, есть чувство хорошее, которое, так или иначе, стремилось **увеличить сумму добра в общем обороте человеческих отношений** (выделено мной. — **А. Н.-С.**). А это, бесспорно, — честно и полезно”²⁵. Само христианство, по мысли Лескова, “было бы тщетным и бесполезным, если бы оно не содействовало умножению в людях добра, правды и мира. Если так, то любвеобильные мечты Достоевского, хотя бы в конце концов они оказались иллюзорными, всё-таки имеют более практического и плодотворного значения, чем зубовой скрежет г. Леонтьева”²⁶.

Лесков сочувствует упованиям Достоевского на историческое призвание России изречь слово примирения, указать исход европейской тоске. Это русское национальное свойство Достоевский определил, как “всечеловечность”. Лесков поддерживает эту позицию. Верит, подобно автору речи о Пушкине, “в прогресс человечества, в будущее блаженство всех народов, в воцарение на земле благоденствия и гармонии, в торжество любви, правды и мира”²⁷. Ради достижения этой величайшей цели, убеждён Лесков, “мы можем и должны всеми зависящими от нас средствами **увеличивать сумму добра в себе и кругом себя** (выделено мной. — **А. Н.-С.**)”²⁸.

Факт лесковской защиты Достоевского от нападок Леонтьева — одно из значимых доказательств близости религиозно-нравственных воззрений и творческих устремлений двух гениальных русских писателей.

В свою очередь, Достоевский прозревал мощный талант не только в ранней повести “**Леди Макбет Мценского уезда**”, но и в зрелом творчестве Лескова.

Непосредственная встреча двух писателей произошла на страницах журнала “Русский вестник” за 1871 год. Здесь буквально одновременно, в одних и тех же номерах публиковались частями романы Достоевского и Лескова на схожую тему — о разрушительном воздействии воинствующего безбожия в России — “**Бесы**” и “**На ножах**”. Уже в первых главах романа “**На ножах**” (1871) Достоевский увидел гениально созданные художественные типы, поставил их выше гоголевских. Об этом он писал А. Н. Майкову в январе 1871 года: “Читаете ли вы роман Лескова в “Русском вестнике”? <...> Какова Вансок (героиня романа, молодая нигилистка Анна Скокова. — **А. Н.-С.**)! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту Вансок видел, слышал сам, ведь я точно осызгал её! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов, то эта фигура останется на вековую память. Это гениально! Но какой мастер он рисовать наших попикиков! Каков отец Евангел! Это другого пописка я уже у него читаю”²⁹.

До настоящего времени остаётся не выясненным, образ какого священника — “другого пописка”, изображённого Лесковым, имел в виду Достоевский. К 1870-м годам, начиная с раннего творчества, Лесков уже создал множество замечательных образов православных священнослужителей. Первым среди них был сельский священник — отец Илиодор — главный герой дебютного лесковского рассказа “**Погасшее дело**” (1862) (впоследствии — “**Засуха**”). В подзаголовке автор указал: “Из записок моего деда”. Дед Николая Лескова умер ещё до рождения внука, но будущий писатель знал о нём от отца и от тётки Пелагеи Дмитриевны: “всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Дмитрия Лескова” (XI, 8), — и, возможно, воплотил в первом литературном опыте некоторые его черты.

В характере этого героя многое уже предвещает центральную фигуру романа-хроники “**Соборяне**” (1872) — Савелия Туберозова, на прототип которого прямо указывал писатель в “**Автобиографической заметке**” (<1882–1885?>): “Из рассказов тётки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа “Соборяне”, где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру” (XI, 15). Дневник Савелия — “Демикотоновая книга” — открывается датой 4 февраля 1831 года — это день рождения Лескова: так писатель биографически включает себя самого в заветный текст дневника своего героя — бесстрашного проповедника слова Божия, являя свою родственную и духовную сопричастность “мятежному протопопу”.

Отец Илиодор в “**Засухе**” — столь же привлекательный и мощный художественный образ. Имя героя созвучно имени пророка Илии, по молитве

которого Бог ниспослал дождь на иссохшую землю: “И опять помолился, и небо дало дождь, и земля произрастила плод свой” (Иак. 5: 18). Отец Илиодор — настоящий батюшка для крестьян, живущий их жизнью, их нуждами; бескорыстный, готовый без всякой мзды отпевать молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод. Доброжелательный, участливый, отечески заботливый отец Илиодор наряду с другими “уповательными” (по лесковскому слову) образами подтверждает мысль Достоевского об особенном таланте Лескова: “Какой мастер он рисовать наших попиков!”³⁰.

Некоторых своих героев-священников Достоевский сознательно или скорее подсознательно изобразил с опорой на лесковские художественные образы русского духовенства. Так, А. А. Измайлов — “изрядный, по основному образованию, знаток церковности” — уловил в образе старца Зосимы из романа **“Братья Карамазовы”** (1881) черты старца-отшельника Памвы — “беззавистного и безгневного” (IV, 357), “согруби ему — он благословит, приберй его — он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирением!” (IV, 365) — из “рождественского рассказа” Лескова **“Запечатленный Ангел”** (1872): “в облике Зосимы в “Карамазовых” Лесков, если бы был ревнив, мог бы уловить брезжущие тени своего Памвы”³¹.

Достоевский внимательно прочёл **“Запечатленного Ангела”** — уникальное творение, в котором (по восхищённой оценке Измайлова) “литературная живопись перелилась в чистую литературную иконопись!..”³², — и в статье **“Смятенный вид”** (1873) присоединился всеобщим одобрительным отзывам: “Известно, что сочинение это многим понравилось здесь в Петербурге и что очень многие его прочли. Действительно, оно того стоит: и характерно, и замечательно. <...> Особенно выдаются в рассказе беседы раскольников с англичанином об иконной живописи. Это место серьёзно, хорошо, лучшее во всём рассказе” (12, 65). Более того, о лесковском рассказе, который “нравился и царю, и пономарю” (XI, 406), журнал “Русский мир” сообщал: “Ещё до появления его в печати он читается уже по рукописи с живым и непривычным для нашего времени сочувствием”³³.

Однако литературная критика тех лет по отношению к Лескову в целом оставалась равнодушной и поверхностной, чаще — предубеждённой и несправедливой. Сознывая это, Достоевский отмечал: “Удивительная судьба этого Стебницкого <псевдоним Лескова. — А. Н.-С.> в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьёзнее”³⁴.

В то же время отношения Лескова и Достоевского не были гладкими, характеризовались не только взаимным притяжением, но и отталкиванием — порой в одно и то же время. Так, “после чтения прекрасного рассказа г-на Лескова” (12, 68) **“Запечатленный Ангел”** у Достоевского возникли сомнения в правдоподобности развязки — перехода артели раскольников в Православие: “повесть г-на Лескова оставила во мне впечатление болезненное и некоторое недоверие к правде описанного. Она, конечно, отлично рассказана и заслуживает многих похвал, но вопрос: неужели это всё правда?” (12, 66–67). В статье **“Смятенный вид”** содержится прямой выпад в адрес Лескова: “автор не удержался и кончил повесть довольно неловко. (К этим неловкостям г-н Лесков способен <...>). Он, кажется, испугался, что его обвинят в наклонности к предрассудкам, и поспешил разъяснить чудо” (12, 66).

Обвинение в “неловкостях”, — по словам сына Лескова, “нечто, глубоко оскорбившее и выведшее из всякого равновесия”³⁵, — писатель парировал, усмотрев некоторые “неловкости” в текстах Достоевского.

Внук священнослужителя, генетически родственник Православию, блестящий знаток Священного Писания, церковной истории, жизни и быта русского духовенства, Лесков к обсуждению этих вопросов подходил и с художественных позиций, и с позиций энциклопедически образованного учёного-богослова; выигрывал в точности их освещения и мог указать старшему по возрасту и положению в литературе Достоевскому на отдельные его оплошности и промахи.

Лесков любил давать своим произведениям меткие наименования, чтобы “кличка была по шерсти”. Статьи-ответы на колкость Достоевского имели названия не только меткие, но и чуть едкие: **“О певческой ливрее”** (1873), **“Холостые понятия о женатом монахе”** (1873).

Достоевский немедленно отозвался статьёй **“Ряженный”** (1873). Полемизируя с “Псаломщиком” и “Свящ. П. Касторским” (псевдонимы Лескова),

Достоевский укорил оппонента за искушение уязвить по мелким, незначительным поводам: “Подумаешь, что за страшные преступления натворил этот Достоевский: *простить* даже невозможно! Духовное лицо, которое, казалось, должно бы быть сама любовь, и то простить не в состоянии!..” (12, 95) — и выдвинул свою программу художественного изображения самой сущности жизни: “Но для повествователя, для поэта могут быть и другие задачи, кроме бытовой стороны; есть общие, вечные и, кажется, вовеки неисследимые глубины духа и характера человеческого” (12, 97).

Не прошло и года после этой полемики, как в “**Дневнике Меркула Праотцева**” (1874) Лесков “загвоздил” новую “загвоздочку” (XI, 148) в адрес Достоевского, назвавшего последовательниц модного в светских кругах ирландского проповедника лорда Редстока “*светскою беспоповщиной*”. Разобиженные дамы даже вознамерились “ему отвечать на эту дерзость!”³⁶. Повествователь упрямил их не делать этого, а лучше молиться за Достоевского: “Это вы ему должны простить. Да, как христианки, как матери и как хорошенькие русские женщины, простите ему эту маленькую грубость и помолитесь за него. Он не сообразил, что людей, крещённых в церкви и исполняющих её таинства и обряды, нельзя назвать *беспоповщиной*. Это с ним хроническое: всякий раз, когда он заговорит о чем-нибудь касающемся религии, он непременно всегда выскажет так, что за него только остаётся молиться: “Отче, отпусти ему!”³⁷.

Достоевский отвечать не стал. “Спасибо, на этот раз “отпустил” и сам оплошавший”, — остроумно заметил Андрей Лесков³⁸. Впрочем, Достоевский признавал за Лесковым бесспорный авторитет в освещении жизни и быта русского духовенства, о чём свидетельствует заметка в записной тетради 1880–1881 годов: “Лесков — специалист и эксперт в Православии”³⁹.

Однако более специализации и богословской начитанности ценил Достоевский сердечное знание христианства. В “**Дневнике писателя**” он справедливо обратил внимание своих искушённых в догматике оппонентов на “сердечное знание” русским народом Христа: “Знает же народ Христа Бога своего, может быть, ещё лучше нашего, хоть и не учился в школе. Знает, — потому что во много веков перенёс много страданий и в горе своём всегда, с начала и до наших дней, слышал об этом Боге-Христе своём от святых своих, работавших на народ и стоявших за землю русскую до положения жизни, от тех самых святых, которых чтит народ доселе, помнит имена их и у гробов их молится. Поверьте, что в этом смысле даже самые тёмные слои народа нашего образованнее гораздо больше, чем вы в культурном вашем неведении об них предполагаете, а может быть, даже образованнее и вас самих, хоть вы и учились катехизису” (13, 131–132); “сердечное знание Христа и истинное представление о Нём существует вполне. Оно передаётся из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего” (12, 44–45).

И всё же, по мнению Лескова, в религиозных вопросах Достоевский проявлял “более страстности, чем сведущности” (XI, 148). Данное представление нашло отражение в статье “**Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)**” (1883): “Пишущий эти строки знал лично Ф. М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени недоставало начитанности в духовной литературе, с которою он начал своё знакомство в довольно поздние годы жизни, и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного её изучения”⁴⁰. Это же суждение Лесков развивает в статье “**О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом**” (1886): “Достоевский же знал Священное Писание далеко не в такой степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности. Поэтому, будучи умён и оригинален, он старался ставить “загвоздочки”, а от уяснений и от доказательств он уклонялся: загвоздит загвоздку и умолкнет, а люди потом всё думают: что сие есть? Порою всё это выходило очень замысловато и забавно” (XI, 148).

Так, творческое взаимодействие Лескова и Достоевского зачастую строилось на поляриностях: “влечение друг к другу сменялось отталкиванием,

понимание – отчуждением, симпатия – антипатией. Одного лишь никогда не было – равнодушия⁴¹. О сложности писательских взаимоотношений, иногда дарующих удовлетворение, иногда – обиду и горечь, часто – то и другое вместе, также говорит следующее упоминание в письме Лескова к П. К. Щербальскому от 16 октября 1884 года, уже после смерти Достоевского: “В изданном томе писем Ф. Достоевского он говорит даже о какой-то моей “гениальности” и упоминает о “странном моём положении в русской литературе”, а печатно и он лукавил и старался затенять меня” (XI, 295).

Литературная критика XIX столетия в основном подчёркивала и раздувала неприязненную сторону отношений между двумя писателями. В советском литературоведении также за аксиому принималось однозначное суждение В. В. Виноградова о Достоевском и Лескове: “Несмотря на кажущиеся внешние соприкосновения их литературных позиций на почве своеобразного народничества, оставались чуждыми друг другу по основному направлению творчества”⁴².

В действительности оба гения отечественной литературы по основному – христианскому – направлению творчества совпадали. В эпоху трусливого фарисейства, когда жить “очень тяжело, и что ни день, то становится ещё тяжелее. “Зверство” и “дикость” растут и смелеют, а люди с незлыми сердцами совершенно бездеятельны до ничтожества” (XI, 477), Лесков и Достоевский явили собой новый тип писателей – духовных наставников, носителей неспящего учительного слова. Проповеднический пафос, обусловленный стремлением величайших художников слова донести до ума и сердца читателя слово вечной истины, подкрепляется авторитетом Евангелия, словами Христа: “Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься” (Мф. 12: 36–37).

Лесков, не терпевший ни в каком деле “сорохвата”, предъявлял чрезвычайно высокие требования к писательскому труду: “добросовестность должна быть во всём, – и, прежде всего, в писании, – зафиксировал лесковские слова П. В. Быков. – <...> Что может быть хуже “коекакошников” в литературе? <...> Единение, помощь друг другу для самосовершенствования – это ведь тоже относится к добросовестности... У меня рассказов на эту тему довольно... Только они – не глас ли вопиющего в пустыне?”⁴³. Писатель с болью и гневом пишет о “родоначальниках журнальной богемы в России”, “беспочвенной и безнатурной стае петербургских литературщиков” (X, 362), о тех “псевдолитераторах”, которые превратили искусство в грязную “лужу”, “доступную всем без патентов и дипломов”⁴⁴.

В статье **“Первенец богемы в России”** (1888) Лесков указал на высочайший поучительный образец бескорыстного, самоотверженного служения литературе в лице Достоевского: “В литературе известен такой случай: тайный советник Мережковский повёз к Ф. М. Достоевскому сына своего, занимавшегося литературными опытами. Достоевский, прослушав упражнения молодого человека, сказал: “Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать”. Тогда тайный советник ответил: “Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать”. Достоевский выгнал вон и отца, и сына”⁴⁵.

В этой статье Лесков комментирует записки своего земляка-орловца, ставшего петербургским “борзописцем”⁴⁶, Владимира Бурнашёва (литературный псевдоним – Виктор Бурьянов). В отличие от самого Лескова, независимая позиция которого в стремлении к истине принесла писателю многие “злострадания”, “первенец богемы в России” Бурнашёв “не терпел и не желал ничего претерпеть ни за какое убеждение; литература у него не была искусством и служением исповедуемой истине или идее, а у него она была средством для заработка, и только”⁴⁷. Лесков остерегает желяющих стать литераторами ради материальных благ и выгод: **“Как средство к жизни литература далеко не из лёгких и не из выгоднейших, а напротив, это труд из самых тяжёлых, и притом он много ответствен и совсем неблагоприятен. <...> Кто не хочет благородно страдать за убеждения, тот пострадает за недостаток их, и это страдание будет хуже, ибо оно не даст утешения в сознании исполненного долга <...> Кто не любит литературу до готовности принести ей в жертву своё благополучие – тот лучше сделает, если вовсе её оставит”**⁴⁸.

Достоевский и Лесков — величайшие художники слова, знатоки жизни и русского духа — чутко и внимательно прислушивались к позициям друг друга. Лесков заочно вёл с Достоевским большой диалог по проблемам русской народной религиозности и русской Церкви — об их развитии и взаимовлиянии. Вслед за Достоевским он проводил в своих произведениях идею о необходимости взаимного братского доверия — *“взаимоверия”* — людей как детей общего Отца Небесного.

Народные христианские упования в духе Достоевского получили отражение в лесковском очерке **“Обнищеванцы (Религиозное движение в фабричной среде)”** (1881), опубликованном в год смерти писателя-пророка.

Памяти Достоевского хотел посвятить своё произведение Лесков. Он писал 13 февраля 1881 года славянофилу И. С. Аксакову, редактору газеты “Русь”, изъявившему желание опубликовать очерк: “Есть практический ответ на пророческие <пророческие. — **А. Н.-С.**> вещания покойного Достоевского, и я думаю: не посвятить ли рассказ его памяти?.. Как вы думаете? Я предоставляю это вашему усмотрению и спорить и прекословить не буду. Если по вашему это хорошо, — допишите: “посв. памяти Фёд. М. Достоевского”⁴⁹.

Впоследствии Лесков отказался от этой мысли, *“чтобы не давать повода ищущим повода”* (2Кор. 11: 12) — лишить предубеждённую критику возможности для кривотолков: “Посвящения Достоевскому не хочу. Столько толков и от таких истолкователей, что мне это решительно претит. Эпиграф и упоминание о нём в первых строках — это гораздо более относится к делу и гораздо целомудреннее. Вся эта историйка есть *иллюстрация* к его теориям. Н. Л.”⁵⁰.

Лесковские письма, связанные с созданием и публикацией этого произведения; желание посвятить его памяти “недавно почившего собрата”; эпиграф, в котором варьируется идея Достоевского из **“Дневника писателя”**, — всё это убедительно свидетельствует о солидарности позиций двух великих русских писателей.

Совсем незадолго до смерти Достоевский в **“Дневнике писателя”** за январь 1881 года высказал свои заветные мысли о доверии к русскому народу: “На это есть одно магическое словцо, именно: *“Оказать доверие”*. Да, нашему народу можно оказывать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъёмов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точно-точно всё то же, что сказал бы и весь вкуче, ибо он един. И разъединённый един и сообща един, ибо дух его един” (14, 491).

Рассуждением о необходимости доверия со ссылкой на Достоевского открывает Лесков свой очерк **“Обнищеванцы”**, развивая и обогащая мысль, заявленную в эпиграфе: “Нашему народу можно верить — он стоит доверия”: “Я очень счастлив, что могу поставить эпиграфом к настоящему очерку пришедшие слова недавно почившего собрата. Почёт, оказанный Достоевскому, несомненно, свидетельствует, что ему верили люди самых разнообразных положений, а Достоевский уверял, что “нашему народу можно верить”. Покойник утверждал это с задушевною искренностью и не делал исключения ни для каких подразделений народной массы. По его мнению, *весь народ стоит доверия*”⁵¹.

Вслед за Достоевским Лесков также настаивает на доверии *ко всему народу в целом*, признавая несостоятельными порочные попытки “сортировать” народ на “лучший” и “худший”: “это напряжённое рвение к Богу, эта готовность стать за мир, эта вера в призвание своего народа <...>, — словом, всё это, что создало такой экстатический порыв, не свидетельствует же о “растленном и безнравственном элементе”, каким любят представлять русского фабричного. О нет, и сто раз нет! Это тот же самый цельный русский народ, с его восхитительным стремлением к добру и к вечности”⁵².

В **“Обнищеванцах”**, первоначально задуманных как часть цикла рассказов о праведниках, писатель иллюстрирует своё убеждение примерами духовной практики целого сообщества людей, живущих в соответствии с евангельскими идеалами, заповеданными Христом.

Очерк Лескова публиковался вначале в газете “Русь”, а затем в сборнике **“Русская рознь”**⁵³. Название сборника отражало тематическое и жанровое разнообразие представленных в нём произведений: рассказы и очерки.

Однако слово “рознь” – в значении *разъединение, разобщение, отчуждение* – как нельзя более подходило для характеристики капиталистической эпохи, в которую рушились все человеческие связи. Как писал Лесков в повести “**Запечатленный Ангел**”, не только между людьми, но и “с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела” (IV, 350). Ранее, выражая своё отношение “к людскому разномуслию, разночувствию и разностремлению” (X, 74) в статье “**Русские общественные заметки**” (1869), писатель говорил о глобальных масштабах этой “розни”: “С тою же основательностью, с какою нападает человек на человека, или сословие на сословие, или даже нация на нацию, нападает даже и одно время на другое” (X, 75).

С “русской рознью” вступает в противоречие идеал взаимного доверия – “*взаимоверия*” (IV, 375; 381). Лесков впервые употребил это выразительное определение в “**Запечатленном Ангеле**” и возвёл в этический принцип, способный противостоять всеобщей обособленности и вражде, в очерке “**Обнищеванцы**”.

Главный герой Иван Исаев – Исаич – невымышленный “фабричный пророк”, “фрустальный старичок”, “сколь чист, сколь мужествен и преподобен!”; “это такая доброта и такой мечтатель, что подобного ему нельзя выдумать. Смирен без меры, но везде ведёт себя с достоинством”⁵⁴. Он явился основателем реального движения питерских рабочих-“обнищеванцев”, убедив всю “братию” “обнищать до совершенства”: “Они сделали удивительную штуку на текст Достоевского “нашему народу можно верить”, – они всё истолковали в смысле евангельского нестяжания и устроили кружок “нестяжателей”. Всё, что зарабатывали, то и раздавали “слабым”, а себе “ожидали милости от Господа”⁵⁵. Лесков писал И. С. Аксакову: “Именно “всем можно верить”, – всё способны перетолковать “во славу Божию и славу России”. И не забудьте, что ведь все обеспорточились до последнего лохмотья!.. И последнее у них обобрала дама, нигилистка”; “А зато жили-то, жили в какой чистоте!”⁵⁶. Герои очерка – “фабричное отребье”, “чудаки, но чудаки тёплые и живые. Серьёзное и детское у них так мешается, что не разберёшь”⁵⁷ – наделены “духовной доблестью”, “страстным порывом к евангельскому совершенству”.

В последних выпусках “**Дневника писателя**” Достоевский размышлял: “Народ русский в огромном большинстве своём – православен и живёт идеей Православия в полноте, хотя и не понимает эту идею ответчиво и научно. В сущности, в народе нашем, кроме этой “идеи”, и нет никакой, и всё из неё одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. <...> Я знаю, надо мною смеялись наши интеллигентные люди: “той идеи” даже и признавать они не хотят в народе, указывая на грехи его, на смрад его (которым сами же они виной были, два века угнетая его), указывают на предрассудки, на индифферентность будто бы народа к религии, а иные даже воображают, что русский народ просто-напросто атеист. Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе Церкви” (14, 488); “Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно, так, но Христа он знает и носит Его в своём сердце искони. В этом нет никакого сомнения” (12, 44).

Заветные пророческие раздумья Достоевского: “Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово <...> Он верит, что спасётся лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*” (14, 489) – на устах и в мыслях лесковского героя “о счастии всечеловеческом – о безгневности во едином Богопознании”; о деле братского единения, “которое, должно начаться с преславных державы Российския <...> только через неё может произойти святое дело – объединение всего мира”; “путь ко всеобщему спасению всего мира через русских людей”.

Готовя очерк к печати, Лесков писал И. С. Аксакову: “Любителям настоящего, не раскрашенного духа народного это может нравиться, потому что тут всё в своём соку, и умность, и темнота, и главное, – вера неодолимая, и стремление непременно обнять и спасти “весь мир”⁵⁸.

Через обнадёживающие примеры “*взаимоверия*” Лесков показывает моменты духовно созидательного взаимного отклика общего и индивидуального, целого и части, мира и личности, “**ибо без доверия друг к другу жить невозможно** (выделено мной. – А. Н.-С.)”⁵⁹. Эта идея стала одной из наиболее

плодотворных в системе религиозно-философских и социально-этических взглядов Лескова и получила наиболее полное художественное выражение в рассказах о праведниках.

В **“Обнищеванцах”** просматривается несомненное родство размышлений Лескова и Достоевского о характере народного религиозного чувства и его роли в духовной жизни человека и общества. Автор очерка сближается с Достоевским во взглядах на **“народ-богоносец”**. Важно в этой связи отметить, что Лесков выпустил книгу повестей, дав ей название не просто выразительное, но принципиально важное, православное – **“Русские богоносцы”** (1880).

Прочную опору в хаотическом мире **“разгильдяйства и шатаний”** (XI, 300), когда духовные ценности и сами понятия о добре и зле становились размытыми, относительными, оба писателя обрели в христианстве, усмотрев в нём смысл не догматический, а вневременной, вечный (внесоциальный и внеисторический). Достоевский и Лесков видели в Православии не одну только догматику и обрядовую сторону, а прежде всего, **“живое чувство”, “живую силу”**. **“Вникните в Православие, – призывал Достоевский, – это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нём одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное”** (13, 302). Лесков, как и Достоевский, считал Православие **“не только верою, но и своего рода духовным знаменем русской народности”**: **“простая, прямая и тёплая душа”** ищет **“опоры в вере народной, народнее которой для русского человека – нет, как наше родное Православие, во всей неприкосновенной чистоте и здравости его учения”** (VI, 125), учения, соответствующего трансцендентной сущности человека как образа и подобия Божия.

В то же время, по убеждению Достоевского, **“сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека”** (14, 53). Оба писателя были глубоко уверены в том, что основой нравственного преобразования человека и общества должно явиться христианское самосовершенствование личности как путь к **“торжеству любви, правды и мира”**⁶⁰. Совершенствование, считал Лесков, – первостепенная цель бытия на земле – для должного приуготовления себя к жизни вечной: **“существование наше всё-таки не случайность, а школа, воспитательный период, никак не более, и затем состояние, какого “не видел глаз и не слышало ухо”** (X, 439). Писатель цитирует здесь духовное откровение апостола Павла: **“не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”** (1Кор. 2: 9).

Великих русских художников слова сроднило стремление к истине, явленной Христом и сохранённой православной верой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Северянин И. На закате // Северянин И. Собр. соч.: В 5 тт. Т. 4. – СПб., 1995. С. 6.

² Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т.1. – М.: Художественная литература, 1984. С. 474.

³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 тт. Т. 11. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. С. 519. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

⁴ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984. С. 188.

⁵ Дурылин С. Н. О религиозном творчестве Н. С. Лескова // Христианская мысль. – Киев, 1916. № XI (ноябрь). С. 77.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 20. – Л.: Наука, 1972–1990. С. 172.

⁷ Там же. Т. 27. С. 56.

⁸ Цит. по: Лесков Н. С. Легендарные характеры. – М., 1989. С. 6.

- ⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 20. — Л.: Наука, 1972–1990. С. 217–218.
- ¹⁰ Манн Т. Русская антология // В мире книг. 1975. № 6. С. 75.
- ¹¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 тт. Т. 14. — Л.: Наука, 1988–1996. С. 36. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.
- ¹² Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927. С. 69.
- ¹³ См.: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1984. С. 444.
- ¹⁴ Там же. Т. 1. С. 268.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 270.
- ¹⁷ Лесков Н. С. Два свинопаса (рассказы кстати) // Новь. Т. 2. 1884. С. 305.
- ¹⁸ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т.1. — М.: Художественная литература, 1984. С. 475.
- ¹⁹ Лесков Н. С. Счастье в двух этажах. (Киевский вариант живых людей к “бумажным” людям Невы) // Литературное наследство. Т. 87. М., 1977. С. 97.
- ²⁰ См.: Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. — 1883. — №№ 1, 3. — 1 и 3 апреля; Лесков Н. С. Золотой век. Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе К. Леонтьева // Новости и Биржевая газета. 1883. №№ 80, 87. 22 и 29 июня.
- ²¹ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого “Чем люди живы”. М., 1882. С. 4.
- ²² Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 9 тт. Т.1. СПб., 1912. С. 264–265.
- ²³ Там же. С. 262.
- ²⁴ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого “Чем люди живы”. М., 1882. С. 58.
- ²⁵ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. 1883. № 1. 1 апреля.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. 1883. № 1. 1 апреля.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 29, кн. I — Л.: Наука, 1972–1990. С. 172.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т. 1. — М.: Худож. лит., 1984. С. 400.
- ³² Там же.
- ³³ Русский мир. 1873. № 8. 10 января.
- ³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.29, кн. I — Л.: Наука, 1972–1990. С. 172.
- ³⁵ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1984. С. 401.
- ³⁶ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 13. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 264.
- ³⁷ Там же. — С. 265.
- ³⁸ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 тт. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1984. С. 403.
- ³⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 27. — Л.: Наука, 1972–1990. С. 46.
- ⁴⁰ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. 1883. №№ 1, 3. 1, 3 апреля.

- ⁴¹ Богаевская К. П. Н. С. Лесков о Достоевском: 1880-е годы // Литературное наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. – Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 606.
- ⁴² Виноградов В. В. Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX века // Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 487.
- ⁴³ Цит. по: Быков П. В. Силуэты далёкого прошлого. М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. С. 154–155.
- ⁴⁴ Лесков Н. С. Первенец богемы в России // Исторический вестник. 1888. Т. XXXII. № 6. С. 534.
- ⁴⁵ Там же. С. 563.
- ⁴⁶ Там же. С. 539.
- ⁴⁷ Там же. С. 563.
- ⁴⁸ Там же. С. 563–564.
- ⁴⁹ Письма Н. С. Лескова к И. С. Аксакову // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 337.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Лесков Н. С. Обнищеванцы // Русская рознь: Очерки и рассказы (1880–1881). СПб., 1881. С. 380.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Лесков Н. С. Обнищеванцы // Русь. 1881. №№ 16–21, 24, 25; Русская рознь: Очерки и рассказы (1880–1881). СПб., 1881.
- ⁵⁴ Письма Н. С. Лескова к И. С. Аксакову // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 337.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Лесков Н. С. Обнищеванцы // Русская рознь: Очерки и рассказы (1880–1881). СПб., 1881. С. 380.
- ⁶⁰ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. 1883. № 1, 1 апреля.